

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Сучасна українська літературна мова». Вступ. Фонетика — Київ, «Наукова думка», 1969, 436 стр.; Морфологія — 1969, 581 стр.; Синтаксис — 1972, 515 стр.; Лексика і фразеологія — 1973, 439 стр.; Стилістика — 1973, 588 стр.

В 1973 г. вышли две последние книги фундаментального пятитомного исследования «Современный украинский литературный язык», осуществленного коллективом Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР под общим руководством акад. И. К. Белодеда. Столь обстоятельно и всесторонне украинский язык никогда ранее не описывался.

Первая книга этого исследования, изданная в 1969 г., содержит общую характеристику современного украинского литературного языка и описание его фонетической и фонологической системы. Раздел «Язык украинской социалистической нации» (автор И. К. Белодед), представляющий собой введение к пятитомнику, кратко, но содержательно характеризует место украинского языка среди других языков, его современные функции и достижения, его развитие и расцвет за годы советской власти. Теоретически весомым представляется обоснованное И. К. Белодедом положение, что функции языка и формы национальной культуры — это пересекающиеся, но отнюдь не совпадающие категории (стр. 8—9).

Из фонетических разделов книги особенно впечатляет добротной выполненной первый — «Звуковая характеристика современного украинского литературного языка». Здесь очень четко, точно и скрупулезно, с широким использованием экспериментальных данных описаны гласные (автор Н. И. Топкая) и согласные (автор Л. И. Прокопова) звуки. Принципиально важным является, в частности, хорошо аргументированное и, по-видимому, окончательное определение укр. *и*₁ как гласного переднего ряда и верхнего подъема (раньше он квалифицировался как гласный передне-среднего ряда и верхне-среднего подъема), укр. *а* как гласного заднего (а не среднего) ряда. Существенно наблюдение, что ударные гласные украинского языка в 2—3 раза дольше безударных (стр. 130). В состав сонорных звуков справедливо включены *ʃ* и губно-губные *в*, *в'*. Убедительно рассмотрены формы и степени смягчения согласных. К сожалению, анализ согласных произведен только с арти-

куляционной точки зрения, тогда как у гласных изучены и артикуляции, и акустика.

Фонологическая же характеристика украинского языка (автор П. П. Коструба) выглядит менее убедительной. Вопрос о фонематичности укр. *и* и *і* будет еще не раз дискутироваться. П. П. Коструба и вслед за ним другие авторы книги считают *и* и *і* разными фонемами. Этим как будто бы решается вопрос о серии смягченных согласных, которые выступают только в позиции перед *і* и поэтому при фонематическом различении *і* — *и* могут рассматриваться как вариации соответствующих твердых фонем.

Однако различение фонем *и* и *і* устаревает одну сложность, но в то же время создает ряд других. Характерно, что П. П. Коструба приводит минимальную пару *дим* — *дім* для доказательства фонематичности *и* — *і* (стр. 237), но пару *там* — *тім* — уже для доказательства фонематичности *т* и *т'* (стр. 239). А ведь *ѳ* и *ѳ'* — это несомненно разные фонемы украинского языка. Различны они и в паре — *дим* — *дім*. Их нельзя поменять местами, а это значит, что *и* и *і* находятся здесь в отношениях дополнительной дистрибуции, т. е. не являются разными фонемами (ср. *лис* — *ліс*, *рис* — *ріс* и т. д.). Фонологически естественней считать особыми (позиционно связанными) фонемами мягкие губные, шипящие и заднеязычные. Пара *сват* — *свят* (род. падеж. мн. числа) различается прежде всего твердым либо мягким *в*. Точно то же имеем в парах типа *вітер* — *вiтер*, *кіт* — *кит*, *біла* — *била* и т. д. Фонетические же аргументы такого рода, что в украинском языке упомянутые группы согласных — не мягкие, а только полумягкие (стр. 237), фонологического смысла не имеют. Л. И. Прокопова констатировала, что «иногда степень палатализации [r] перед [i] меньше всех согласных украинского языка» (стр. 165), что несколько не мешает мягкому *р'* быть особой фонемой. Некоторые сомнения вызывает также полное отрицание долгих согласных фонем в украинском языке.

Вывод о том, что в современном украин-

ском языке есть 6 гласных и 32 согласных фонемы (стр. 258), не представляется окончательным. Возможно, гласных фонем на одну меньше, а согласных намного больше. Поэтому межславянские количественные сопоставления фонем (стр. 258—260) явно преждевременны. Автор, например, констатирует отличие украинского языка по количеству гласных фонем (6) от русского (5). Но ведь в русском проблема *и* — *ы* не отличается принципиально от проблемы *і* — *и* в украинском. В русском можно с таким же успехом выделить разные фонемы *и* и *ы* и насчитать 6 гласных фонем, о чем и говорится в другом месте рецензируемой работы (стр. 296, примеч.).

Вместе с тем надо отметить, что в целом фонологический очерк, а равно и краткое описание украинской морфологии (стр. 261—294) являются шагом вперед в изучении украинского языка. Это еще в большей степени относится к последующим разделам обсуждаемой книги.

Впечатляет раздел «Частотность и сочетаемость фонем современного украинского языка», квалифицированно выполненный В. С. Перебийнос. Следует лишь заметить, что написан он трудноватым, слишком математизированным языком и что значительная часть этого раздела, направленная на фонологическое размежевание стилей украинского языка, была бы, видимо, более уместной в заключительной пятой книге исследования. Содержательно, в целом нестандартно описаны также слог и слогаделение (В. М. Брахов), ударение и орфоэтические нормы (Н. Ф. Наконечный), украинский алфавит и принципы орфографии (М. А. Жовтубрюх).

Эти разделы, как и книга в целом, опираются на принцип системности языка, хорошо аргументированы, обобщают большой фактический материал. Надо отметить также экономичность изложения. В книге почти нет повторений. Одно из немногих — описание слогаделения в разделе об орфоэтических нормах (стр. 371—372) при наличии специального раздела, посвященного этому вопросу, причем изложение этих вопросов не полностью согласовано (ср. слогаделение *се-стра* у Н. Ф. Наконечного, стр. 372, и *сес-тра* у В. М. Брахова, стр. 356).

В том же 1969 г. вышла вторая книга исследования об украинском языке, посвященная словообразованию и словоизменению. Авторский коллектив создал развернутое, основанное на громадном материале, теоретически углубленное описание морфологической системы украинского языка. Книга вносит очень много нового в научную разработку украинской морфологии. Хотя теоретические основы морфологии и важнейшие грамматические понятия рассмотрены во «Введении» (автор И. И. Ковалик), стремле-

ние не просто описать факты, а теоретически их осмыслить характеризует и все последующие разделы исследования, посвященные отдельным частям речи.

В разделе об имени существительном (автор И. Г. Матвиш) выделяется углубленное описание категории рода (стр. 50—60), интересны комментарии ко многим надежным формам. Обстоятельно и оригинально рассмотрены многообразные переходные явления имени прилагательного (автор Д. Х. Баранник). Четкую и глубокую грамматическую характеристику получил глагол, раздел о котором (автор В. М. Русановский) представляется наиболее удачным. Интересно описаны служебные части речи и в частности предлоги (автор А. С. Колодязный) и союзы (авторы Л. И. Коломиец и А. В. Майборода). Завершается книга разделом «Частота аффиксов и их омонимия», который на хорошем уровне выполнен М. П. Муравицкой.

Говоря о дискуссионных аспектах морфологического тома, следует обратить внимание на некоторые вопросы размежевания лексических и грамматических явлений, а также явлений словообразовательных и словоизменительных. В описании существительного вместе с категориями рода, одушевленности — неодушевленности, числа и падежа, которые действительно являются грамматическими категориями этой части речи, имеющими четкое формальное выражение, рассматриваются категории собственных и нарицательных названий, конкретности и абстрактности, собирательности, вещественности, которые являются лексическими, а не грамматическими и не имеют четкого формального выражения. Примечательно, что обсуждение формального проявления этих категорий сводится лишь к формам числа (стр. 73, табл.), да и то сопровождается многочисленными оговорками. Выделение же в существительных категории лица (стр. 72—74) не имеет грамматических оправданий.

Все выделенные в существительном категории именуется «лексико-грамматическими» или «семантико-грамматическими». И действительно, все категории существительного значимы, все так или иначе отражают объективную действительность. Но одни из них приобрели также и значимость грамматическую, обрета регулярное и строгое формальное проявление. Они и стали грамматическими категориями имени существительного. Другие же такие категории как грамматические не оформились, в них не развились регулярные формальные показатели, а потому и нет четкой системы грамматических оппозиций. Эти категории (собирательность и под.) остаются лексическими, считать их грамматическими достаточных оснований нет. По этим же соображениям приходится возражать против выделения в имени при-

лагательном категорий безотносительной меры качества и субъективной оценки.

В отмеченных случаях лексические явления причислены к грамматическим. Противоположным фактом представляется выделение «предикативных наречий» (стр. 440—443) и «модальных наречий» (стр. 443—444), которые с грамматической точки зрения представляют собой особые классы слов. Достаточно ввести указанные «наречия» в хорошо продуманную классификационную таблицу на стр. 25, чтобы убедиться в их грамматической самостоятельности. Кстати, в пятом томе рецензируемого исследования (стр. 260—261) названные группы слов рассматриваются фактически как особые части речи, хотя и здесь они включены в раздел «Наречие».

Граница между словообразованием (которому в рассматриваемой второй книге исследования вообще уделено меньше внимания, чем следовало бы) и словоизменением оказывается подчас нарушенной при анализе глагольных форм. Трудно согласиться, скажем, с тем, что в форме *нес-и* морфема *-у* — не флексия, а суффикс (стр. 303).

Третий том коллективной монографии увидел свет в 1972 г. Здесь всесторонне рассмотрена синтаксическая система украинского языка. Многие его разделы, написанные А. С. Мельничуком, важны для общей теории синтаксиса. Особенно это относится к вступительному теоретическому разделу «Общие вопросы синтаксиса украинского языка» (стр. 5—50). Система четких и оригинальных дефиниций (отметим, в частности, определения синтаксиса — стр. 8, предложения — стр. 14, словосочетания — стр. 37), глубокое, нестандартное описание основных синтаксических понятий (синтаксических конструкций, синтаксических средств, синтаксических категорий), очень интересное разграничение синтаксического и несинтаксического в структуре предложения (особенно стр. 14), обоснованное разделение и содержательная характеристика внешне-синтаксической и внутренне-синтаксической структуры предложения, — эти и другие аспекты данного раздела ценны в теоретическом отношении.

В этом разделе, как и во всей книге, предложение рассматривается традиционными методами, без привлечения идей «порождения». В предисловии к книге отмечено, что применение новых специальных методов и приемов анализа было признано нецелесообразным ввиду стремления авторского коллектива к максимально доступному изложению материала (стр. 3). Само по себе это стремление можно только приветствовать, однако жаль, что материал описания не включает современных достижений.

Конкретное описание структуры предложений украинского языка (авторы —

А. П. Гриценко, Л. А. Кадомцева, П. С. Дудик, И. Р. Выхованец, А. С. Мельничук) выполнено в традиционном плане. Здесь подробно описаны дополнения, определения неопределенно-личные номинативные предложения, сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими и разделительные сложно-сочиненные предложения. Ценность этого описания — не в принципиально новых подходах, поиски которых столь характерны для современного синтаксиса, но в подробности и точности. Если не касаться малосущественных частности, описание отличается содержательностью и добротностью. В этой связи обращает на себя внимание характеристика сложных бессоюзных предложений (Л. А. Кадомцева), построенная на экспериментально-фонетических данных.

Описание синтаксической системы украинского языка начинается разделом «Словосочетание» и кончается описанием синтагмы (автор А. С. Мельничук). Такая композиция обоснована последовательным разграничением понятий «словосочетание» и «синтагма», первое из которых понимается как синтаксическая единица, используемая в качестве строительного материала предложений, а второе интерпретируется как интонационно-смысловая единица, вычленяемая в существующем, уже готовом предложении. Известна сложность вопроса и многообразие взглядов на синтагму. Излагаемая в книге концепция словосочетания и синтагмы (как единиц разных и разноплановых) также вполне правомерна. Развивается данная концепция последовательно, описание словосочетаний и особенно синтагм, давно и успешно изучаемых автором¹, является стройным и внутренне непротиворечивым. Однако принятое в книге понимание синтагмы (стр. 435), хотя оно и перекликается с идеей непосредственно составляющих, как будто бы относится преимущественно к несинтаксической стороне предложения, которая во вступительном разделе четко отделена от его синтаксической стороны и выведена за пределы объекта синтаксической науки (стр. 14).

В обсуждаемой книге был бы лишним раздел о синтаксической организации текста, о синтаксических средствах связи независимых предложений. Заметим, что стилистический аспект этого вопроса очень интересно рассмотрен в заключительной, пятой книге исследования.

В четвертой книге рецензируемого исследования анализируется лексика и фразеология украинского языка. Основное

¹ Ср.: А. С. Мельничук, Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках, Киев, 1958.

внимание авторского коллектива приковано, разумеется, к лексике. С обстоятельностью, еще не представленной ни в одной публикации, рассмотрена украинская лексика с точки зрения ее происхождения (автор А. А. Бурячок). Словарный состав современного украинского языка разделен — в целом удачно и убедительно — на индоевропейский, праславянский, древнерусский и собственно украинский слои. Поскольку речь идет о времени появления определенных слов в языке, то автор, во-первых, ориентируется именно на слова, а не на корни, и, во-вторых, рассматривает в каждом слое как исконную лексику, так и лексику заимствованную, разумеется, с разграничением этих групп. Заимствованная лексика, помимо этого, рассматривается также и отдельно, по языкам-источникам.

Убедительность этих принципов описания вместе с богатым и удачно интерпретированным материалом предопределили успех раздела. В ряде случаев, однако, правомерность отнесения слов к тому или иному слою представляется сомнительной. Например, явно общеславянское слово *держава* отнесено к собственно украинским, да еще таким, что заимствованы в другие языки из украинского (стр. 114). Другое общеславянское (исконное!) слово *качан* «кочан» признано тюркизмом (стр. 130).

Если говорить об уязвимых местах раздела, речь следует вести прежде всего не об отдельных ошибках, а о двух общих явлениях. При рассмотрении заимствованных слов нет надлежащей четкости в размежевании языка-источника и языка-передатчика. Именно поэтому слово *осел* у автора оказывается то латинизмом (стр. 109), то германизмом (стр. 131). А ведь есть еще и слова, созданные в одном языке из «строительного материала» другого языка. Исследователь справедливо квалифицирует слово *лифтер* как восточнославянское новообразование советского периода (стр. 121). Но зачем относить к заимствованиям из греческого языка, скажем, термин *астероид* (стр. 126), созданный в начале XIX в. английским астрономом В. Гершелем? Слов этого типа среди «гречизмов» и «латинизмов» слишком много, чтобы ими пренебрегать.

Собственно украинский лексический слой представляется несколько увеличенным. Здесь непонятны критерии отбора. Почему, например, в этой группе оказались предлоги *між* и *під* (стр. 120)? Первый из них — явно древнерусский, фиксируемый у И. И. Срезневского (*межь*), а другой — праславянский. Фонетическое же преобразование этих предлогов в украинском языке (появление *і*) не дает оснований для лексических выводов. По крайней мере древнерусскими являются также слова *роакшійний* (ср. русск. *рскошійний*), *чарівний* (ср. др.-

русск. *чаровный*), *цур* (ср. белорусск. *цур*, русск. *чур*) и др. (стр. 114—120). Внутри собственно украинской лексики не проведено различие между словами, созданными в этом языке после выделения его из древнерусского, и заимствованиями из других языков (в частности, из русского).

В книге кратко, но очень содержательно описана стилистическая дифференциация украинской лексики (М. А. Жовтобрюх), а также ее дифференциация на общенародную, диалектную и профессиональную (В. А. Винник). Это же самое можно сказать о разделе, посвященном стилистическим закономерностям украинской лексики (М. П. Муравицкая). Интересные и существенные соображения содержит раздел о развитии словарного состава украинского языка в советскую эпоху (автор Л. С. Паламарчук). К сожалению, изучаемый в разделе материал по сути перекрывается пунктом «Неологизмы» предыдущего раздела «Активная и пассивная лексика в современном украинском литературном языке» (автор Т. К. Черторизская).

В разделах книги довольно много повторений. Гораздо удобнее было бы ввести систему внутренних ссылок. Отметим также, что повторное обращение к одним и тем же вопросам приводит подчас и к противоречиям. Так, Т. К. Черторизская выделяет группу лексико-семантических диалектизмов (стр. 216), а В. А. Винник очень убедительно разграничивает отдельные группы лексических (стр. 183) и семантических (стр. 189) диалектизмов. Во второй книге морфология определена как «учение о строении слов и их парадигмах» (стр. 5). Определение это, относящее к морфологии также и словообразование, практически реализовано содержанием второй книги. В третьей книге морфология определена глубже, но в том же духе (стр. 8). В четвертой же книге включение словообразования в морфологию решительно (и справедливо!) отрицается (стр. 7).

Лексическое описание украинского языка начинается краткой ознакомительно-историографической характеристикой лексикологии (М. А. Жовтобрюх) и завершается таким же очерком лексикографии (Л. С. Паламарчук). Общетеоретические же функции возложены на большой раздел «Слово в лексической системе украинского языка», написанный И. С. Олейником. Однако с функциями этими раздел, при многих его достоинствах (здесь, в частности, хорошо описаны синонимы), справляется не в полной мере. Он содержит ряд нечетких либо сомнительных положений (разграничение переносного значения и переносного употребления слов и группировка этих семантических явлений; отнесение к антонимам слов типа *муж* — *жена* и др.). Но главный недостаток заключает-

ся в том, что понятие системы имеется только в заглавии раздела. Трудно описать лексическую систему языка без идеи парадигматических и синтагматических оппозиций, без привлечения признаков и свойств системности.

В этом свете особенно благоприятное впечатление производит заключающий книгу раздел «Фразеология» (автор Л. Г. Скрипник). Л. Г. Скрипник сумела очень четко и убедительно описать украинскую фразеологию, включая и ее особенности, и ее структурные типы, и ее системные связи.

Завершается пятитомное исследование современное украинского литературного языка книгой о стилистике. Книга эта — одна из наиболее удачных, а возможно и самая лучшая в пятитомной коллективной монографии. В обширном и основательном «Введении» его автор И. К. Белодед, опираясь на определение стиля, предложенное В. В. Виноградовым (стр. 21), и исходя из хорошо сформулированной мысли Р. А. Будагова, что стилистика — «душа» каждого развитого языка (стр. 41), глубоко анализирует основные понятия, методы и задачи стилистического исследования применительно к украинскому языку.

Обращает на себя внимание всесторонность стилистического обследования украинского языка. В книге есть очень интересный раздел «Ритмомелодика» (автор И. К. Белодед), есть разделы о стилистических аспектах фонетики (В. В. Коңтилов), морфологии (В. С. Ващенко), словообразования (Н. Н. Пилинский). Особенно хорош последний из них. Автор последовательно строит стилистическое описание на сопоставлении оттенков, раскрывая возможности стилистического выбора (ср. описание суффикса *-уаг-*, стр. 318—320, и вообще словообразования прилагательных). В разделе есть материал для полемики. Маловероятно, например, что суффиксы *-ч-* и *-к-*, ср. *вікно* — *віконце*, *хата* — *хатка*, представляют разные степени эмоциональной оценки (стр. 297—298). Но в целом раздел хорошо раскрывает систему стилистических потенций украинского словообразования.

В разделах о фонетике и морфологии, особенно во втором из них, основной упор делается на стилистическое функционирование, на безотнотительное описание стилистических ресурсов соответствующего языкового яруса. Описание это осуществлено квалифицированно, глубоко. Но идея стилистического выбора и его мотивировки подчас оказывается приглушенной. Мысль о том, что омертвевшие, рудиментарные параллельные формы лишены семантико-стилистического наполнения (стр. 281), представляется сомнительной. Яркость строк Юлии Дружинной «Над Россией шумели крыла похоронок, Как теперь воробьиные крылья

шумят» создается прежде всего столкновением обычной и необычной (рудиментарной!) форм мн. числа слова *крыло*. Анализ стилистического функционирования, т. е. выявление стилистических оттенков, наслаивающихся на основную языковую функцию, обнаруживает лишь результаты действия стилистической системы языка, тогда как анализ стилистического выбора, т. е. сопоставление разных стилистических оттенков, обнаруживает саму стилистическую систему.

Основные разделы книги по вполне понятным причинам посвящены стилистической характеристике лексики (авторы Г. П. Ижакевич и А. В. Лагутина) и синтаксиса (авторы И. К. Белодед, В. С. Ващенко, С. Я. Ермоленко). Это серьезные исследования, в которых синтезируются важнейшие достижения отечественной стилистической лексикологии и синтаксиса и выдвигаются новые важные направления стилистического анализа. Здесь тоже есть спорные моменты. Сомнительно, например, что омонимы одной этимологии чаще выступают в каламбурах, чем омонимы разной этимологии (стр. 108—109; любопытно, что этот тезис доказывается среди прочих примером омонимов *Капа* — *Капитолина* и *капа* «какает»). При стилистическом анализе взаимодействий надо, по-видимому, различать взаимодействия общезыковые (*карагач*, *аскакал*) и индивидуально-авторские, ср. *ме гаваге карі* у П. Г. Тычины (стр. 78—82). Здесь наблюдается полная параллель с языковыми и индивидуальными неологизмами, которые, как известно, стилистически четко разграничены. Понятие инверсии представляется слишком расширенным. Вряд ли можно, например, с помощью инверсии дополнений создать неупрощенность интонации (стр. 445): инверсия как раз предполагает какую-то форму принужденности. В целом же успех, высокое качество раздела о лексике и синтаксисе, как всего стилистического тома, является бесспорным.

Книга содержит также раздел о стилистике фразеологизмов (автор Г. П. Ижакевич), где в понятие «фразеология» включается гораздо больше языковых фактов, чем в соответствующем разделе четвертой книги исследования. Интересны своими мыслями и обобщаемыми фактами и два заключительных раздела книги — «Стилистика устной речи» (автор Д. Х. Бараник) и «Характеристика функциональных стилей» (автор В. С. Перейбийнос).

Завершение пятитомного исследования «Сучасна українська літературна мова» — большой успех украинского советского языковедения. Исследование это является важным этапом в изучении украинского языка.

Ю. А. Карпенко